

ЭКОНОМИСТЫ УПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ СЛУЖБ США И ИХ ПРОГНОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР, 1944–1947

К.В. Минкова

В данной статье анализируется роль экономистов Управления стратегических служб (УСС) в выработке политического курса США в отношении СССР. Эта проблема совершенно не изучена и вследствие этого недооценена. При этом прогнозы УСС оказали известное влияние на формирование взглядов ряда ключевых чиновников администрации Ф.Д. Рузвельта и курса администрации Г. Трумэна в отношении Советского Союза. В ходе написания своей «длинной телеграммы» Дж. Кеннан, по всей видимости, опирался на доклад, составленный сотрудником УСС Т. Уитни в декабре 1945 г. Помимо указанного доклада Уитни, в статье рассматривается ряд других отчетов и докладов УСС о перспективах реконструкции экономики СССР и анализируется влияние этих отчетов на принятие внешнеполитических решений в отношении СССР в 1944–1947 гг.

Ключевые слова: Советский Союз, США, Управление стратегических служб, прогнозы, восстановление экономики СССР, кредит, У. Donovan, Г. Робинсон, Т. Уитни, А. Гершенкрон

This article analyses the role of economists in the Office of Strategic Services (OSS) in the development of the U.S. policy towards the USSR. This issue has been completely unexplored and is therefore underestimated. At the same time, the OSS forecasts had a significant influence on the views of a number of key officials in the Roosevelt Administration and on the course of the Truman Administration towards the Soviet Union. In the course of writing his «Long Telegram», George Kennan appears to have relied on the report prepared by the OSS official Thomas Whitney in December 1945. In addition to the Whitney report, this article examines a number of other OSS reports and opinions on the prospects for rebuilding the USSR economy and analyzes the influence of these reports on foreign policy decisions regarding the USSR in 1944–1947.

Key words: the Soviet Union, the USA, Office of Strategic Services, prognoses, USSR economic reconstruction, loan, W. Donovan, G. Robinson, T. Whitney, A. Gershenkron

DOI: 10.32608/1010-5557-2024-2024-152-178

Минкова Кристина Владимировна — доктор исторических наук, доцент кафедры американских исследований, заместитель директора Центра канадских исследований. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

В первые годы Великой Отечественной войны потребность США в получении надежных и достоверных оценок состояния советской экономики многократно возросла. Взаимодействие между Москвой и Вашингтоном в рамках программы взаимопомощи, казалось, открывало американским экспертам доступ к новым данным, на основе которых в Белом доме должны были приниматься ключевые решения о поставках в Советский Союз.

Для оценки и обработки этих данных нужен был новый временный институт, в рамках которого признанные эксперты в области истории, географии, политологии, социологии и экономики могли бы делать высококачественные прогнозы о перспективах взаимодействия между СССР и США. Таким институтом летом 1941 г. стал офис Координатора информации (Coordinator of Information, COI)¹, который возглавил Уильям «Дикий Билл» Донован, — друг министра военно-морских сил США Ф. Нокса и один из эмиссаров Ф.Д. Рузвельта².

Первоначально предполагалось, что созданный институт должен управлять потоком поступающей информации и обобщать ее, не производя нового контента. Таким образом, будущее организации напрямую зависело от способности ее экспертов к эффективной координации имевшихся у них сведений. Важным приобретением Донована стал Г. Робинсон, профессор истории из Колумбийского университета, занимавшийся в COI советскими исследованиями. Один из немногих коренных американцев-специалистов по России, Робинсон занимался исследованием сельского хозяйства в царской России, а его книга «Сельская Россия при старом режиме» стала классическим трудом по российской экономической истории³.

В штат COI был также привлечен один из двух американских географов — специалистов по Советскому Союзу, а именно Дж. Моррисон из Чикагского университета, и экономист с русскими корнями С. Кузнец, работавший на тот момент в Консультативном совете по обороне⁴. В 1930-е гг. Кузнец разработал теоретическую базу

¹ Executive Order Designating a Coordinator of Information. July 11, 1941. Цит. по: *Ford C. Donovan of O.S.S. Boston*, 1970. App A. P. 335–336.

² *Troy T.F. Donovan and the CIA: A History of the Establishment of the Central Intelligence Agency*. Frederick (Md.), 1981. P. 23–42.

³ *Curtiss J.S. Geroid Tanquary Robinson // Essays in Russian and Soviet History in Honor of Geroid Tanquary Robinson / Ed. by J.S. Curtiss*. New York, 1963. P. 16.

⁴ *Whitney T.P. Russia In My Life*. New York, 1962. P. 24.

для учета национального дохода, которая стала одним из краеугольных камней послевоенной кейнсианской экономики⁵.

Материалом для работы экспертов была разрозненная и не всегда достоверная информация из Госдепартамента США, Министерства торговли и Военного департамента и их собственных исследований советских источников⁶.

Отсутствие полной и доступной статистической информации по ключевым показателям экономического развития Советского Союза само по себе представляло значительное препятствие к формированию на ее основе точных и надежных прогнозов, однако члены СОИ столкнулись еще с одной проблемой – отсутствием качественной методологии для работы с советской статистикой. Это не могло не отразиться на достоверности прогнозов в отношении военных потерь и разрушений СССР в годы войны.

Сомнительное качество выпускаемого продукта лишило СОИ постоянной клиентуры: правительственные агентства больше полагались на собственную аналитику. Так что в первые два года Великой Отечественной войны эта структура была далека от возможности оказывать сколько-нибудь значительное влияние на формирование советского направления американской политики.

Девятнадцатого сентября 1941 г. Робинсон закончил первый секретный отчет СОИ под названием «Потери русского промышленного производства от движения военного фронта на восток», основывавшийся исключительно на данных, находившихся в открытом доступе⁷. Предполагалось, что данный отчет будет полезен американской миссии в Москве.

Первая попытка правительства Соединенных Штатов провести комплексный анализ экономики СССР оказалась не слишком успешной. Хотя цель исследования состояла в определении объемов производства тринадцати ключевых советских отраслей, его результаты были далеко не точными, а таблицы пестрели расплывчатыми формулировками типа «примерно», «около», «незначительные» и т.п. (см. табл. 1)⁸.

⁵ *Blaug M.* Great Economists Since Keynes: An Introduction to the Lives and Work of One Hundred Modern Economists. Totowas (N.J.), 1985. P. 124–126.

⁶ *Morrison J.* The Economic Subdivision // National Archives. Washington, District of Columbia. Military Records Division. Record Group 226–Textual Records of the Office of Strategic Services. Entry 99. Box 76. File 46.

⁷ Losses of Russian Industrial Productivity Resulting From the Eastward Movement of the War Front: General Geographical Distribution of Russian Industry. 19 September 1941 // O.S.S. / State Department Intelligence and Research Reports. Part VI: The Soviet Union. Frederick (Md.): University Publications of America, 1977. Reel 1. Doc. 1.

⁸ *Ibid.* P. 1. В советской статистике потери конкретно за этот период не подсчитывались.

Потери советской промышленности за первые 2,5 месяца войны

Отрасль	Потери
Уголь	незначительные
Нефть и нефтепродукты	незначительные
Электроэнергия	Около $\frac{1}{4}$
Железная руда	Около 50%
Чугун	Между $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$
Сталь	Между $\frac{1}{5}$ и $\frac{2}{5}$
Марганец	Около $\frac{1}{3}$
Никель	небольшие
Алюминий	От 60 до 80%
Медная руда	нет
Медь	Не более 10–12%
Станки и металлопродукция	Около $\frac{1}{4}$
Резина	маленькие

Источник: Losses of Russian Industrial Productivity Resulting From the Eastward Movement of the War Front: General Geographical Distribution of Russian Industry. 19 September 1941 // O.S.S. / State Department Intelligence and Research Reports. Part VI: The Soviet Union. Frederick (Md.): University Publications of America, 1977. Reel 1. Doc. 1. P. 3.

Тем не менее даже в таком виде отчет Робинсона, по всей видимости, представлял большую ценность для американского правительства. Почувствовав возможность произвести впечатление, Донован быстро переслал меморандум президенту Рузвельту с комментариями о том, что эта работа была подготовлена «нашим Восточноевропейским отделом в связи с потерями советского промышленного производства»⁹. Тем временем Робинсон и Моррисон лично доложили о результатах работы группы военному министру Г. Стимсону¹⁰. Согласно официальной истории Центрального разведывательного

⁹ Robert Donovan to Franklin Roosevelt. September 24, 1941. Цит. по: *Troy T.F.* Op. cit. P. 113.

¹⁰ Diary of Henry Stimson. October 23, 1941. Цит. по: *Kestner J.* Through the Looking Glass: American Perceptions of the Soviet Economy, 1941–1964. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (History). University of Wisconsin, 1999. P. 26.

управления, меморандум СОІ вскоре привлек внимание американской армейской разведки (G-2) и Управления военно-морской разведки, которые, ознакомившись с документом, якобы попросили Donovan «создать секретную разведывательную службу»¹¹. Весьма сомнительно, что один такой доклад, к тому же содержащий весьма расплывчатую информацию, мог обусловить создание нового правительственного института. Скорее, он стал одним из факторов, приблизивших его создание. Среди прочих была, например, личная заинтересованность Ф.Д. Рузвельта в развитии экономических отношений с Советским Союзом и его уверенность в успешности такого сотрудничества. Например, в письме одному из партнеров банка J.P. Morgan & Co. Т. Ламонту в ноябре 1942 г. президент вспоминал беседу с М.М. Литвиновым в 1933 г. Советский дипломат, который в то время находился в Вашингтоне и вел переговоры об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами, откровенно признал, что две страны начинали с диаметрально противоположных точек отсчета, 0 и 100, но они уже продвинулись к более тесному сотрудничеству и, возможно, когда-нибудь смогут приблизиться соответственно к 40 и 60. Рассказывая об этом разговоре Ламонту, Рузвельт предположил: «Возможно, мысли Литвинова девятилетней давности сбываются»¹².

Получению более подробной и достоверной информации о состоянии советской экономики на ранних этапах войны мог бы способствовать ленд-лиз, однако американцы сами закрыли себе эту возможность. При обсуждении протоколов о поставках Соединенные Штаты не требовали от советских представителей подробной статистической информации, как это делалось на переговорах с другими реципиентами помощи. Председатель Комитета советского протокола Г. Гопкинс дал понять, что попытки требовать от Советов информацию, которая казалась подходящей для других стран, следует прекратить раз и навсегда¹³.

Не обладая ни необходимой методологией, ни реальными статистическими данными, американское правительство и эксперты-экономисты не смогли полностью понять специфику функционирования коммунистической экономической системы. Соответственно, по-

¹¹ Troy T.F. Op. cit. P. 113.

¹² Franklin D. Roosevelt to Thomas W. Lamont. November 13, 1943 // F.D.R.: His Personal Letters / Ed. by E. Roosevelt. Letters: in 2 vols. New York, 1947. Vol. II. P. 1365–1366.

¹³ Об этом подробнее см.: Minutes of Meetings of Soviet National Protocol Committee. November 25, 1942. Цит. по: Information in Lend-Lease Files on Soviet Gold Production During World War II. Intelligence Report Number 6681. August 30, 1955 // O.S.S. State Department Intelligence and Research Reports. Part VI (Supplemental), 1950–1961. The Soviet Union. Frederick (Md.): University Publications of America, 1977.

пытки заключения каких-либо экономических соглашений с Советским Союзом (помимо Соглашения о взаимопомощи), аналогичных договорам с капиталистическими странами, были заранее обречены на провал. Проверенная годами и неоднократно доказавшая свою эффективность схема заключения договора о торговле и мореплавании сразу после соглашения о военном сотрудничестве в случае с СССР не работала.

Межведомственный комитет Государственного департамента и Министерства торговли США признал, что «из-за необычной экономической системы в Советском Союзе и из-за монополии внешней торговли <...> было трудно вести переговоры о заключении договора на основе взаимных интересов или иных критериев, используемых в переговорах с другими капиталистическими странами». В результате Комитет пришел к выводу, что переговоры о заключении договора о торговле и мореплавании с СССР следует отложить¹⁴.

Необходимость создания профессионального института, способного разработать новую методологию, найти доступ к реальным статистическим данным и осуществлять качественное прогнозирование, становилась все более очевидной. В свою очередь, Донован стремился превратить СОИ в первое постоянное национальное разведывательное агентство Соединенных Штатов. В июне 1942 г., после долгой бюрократической борьбы, Рузвельт подписал Указ о создании Управления стратегических служб (УСС) под непосредственным руководством Донована и под контролем Объединенного комитета начальников штабов¹⁵.

Доновану нужно было решить три важнейшие проблемы – определить задачи и круг бюрократических полномочий новой структуры, расширить штат сотрудников и разобраться с нехваткой эмпирического материала.

Как ни странно, наиболее сложной на тот момент казалась первая проблема, поскольку требовалось понять, краткосрочным или долгосрочным прогнозам следовало отдать приоритет. Поначалу Донован хотел заниматься и экономической разведкой и проблемами экономической войны¹⁶.

При попытке «присвоить» себе второе направление Донован столкнулся с Советом по чрезвычайной обороне и наследовавшим ему Советом по экономической войне (СЭВ). Глава СЭВ, вице-президент США Г. Уоллес и его помощник М. Перкинс вынудили Донована четко разграничить сферы компетенции их структур: СЭВ дол-

¹⁴ Foreign Relations of the United States. 1942. Vol. VI. Washington (D.C.), 1961. P. 742.

¹⁵ Franklin D. Roosevelt. Military Order of June 13, 1942. Цит. по: Troy T.F. Op. cit. Appendix E. P. 427.

¹⁶ Ibid. P. 97–98.

жен был контролировать экспорт, запасы полезных ископаемых и распределение импортных ресурсов — т.е. то, что является сердцем экономической войны, а УСС ограничивало свою деятельность созданием более долгосрочных экономических прогнозов в рамках Сектора исследования и анализа (СИА)¹⁷.

Примечательно, что в рамках СОІ СИА оставался исключительно недооцененным, что заставило его руководителя, гарвардского историка У. Лангера, предпринять значительные усилия по превращению своей структуры в конкурентоспособное и независимое агентство в основном за счет сотрудничества с военными.

Непросто решался вопрос и со структурой УСС. Первоначально Donovan хотел проводить все экономические исследования в одном функциональном подразделении под руководством гарвардского экономиста Э. Мейсона¹⁸. Однако здесь он натолкнулся на яростное сопротивление Г. Робинсона, который настаивал на необходимости отдельного изучения советской экономики. В результате ожесточенной борьбы победил Робинсон, на стороне которого выступил Лангер, и в рамках СИА был создан Восточноевропейский отдел¹⁹.

Спустя несколько месяцев этот отдел превратился в самостоятельную структуру со штатом в 60 сотрудников: Робинсон привлек в организацию почти всех ведущих академических экспертов-советологов США. По мере увеличения штата Робинсон разделил отдел на три функциональных подразделения — политическое, социальное и экономическое. Руководитель каждого из этих подразделений отвечал за координацию исследований внутри своего подотдела и передачу информации на следующий уровень. В экономическом подотделе состояло не менее дюжины экспертов, а возглавил его сам Робинсон²⁰.

Никакой реальной разведывательной деятельности экономический подотдел Восточноевропейского сектора не вел. Фактическая работа его экспертов состояла в кропотливом поиске полезной информации в различных советских изданиях — от центральных газет до специализированной литературы. Полученные данные использовались для определения текущей структуры и объема производства советской экономики²¹.

Задачей первых крупных исследований подотдела было дать максимально точную оценку влияния войны с Германией на советский эко-

¹⁷ *Troy T.F.* Op. cit. P. 100.

¹⁸ *Katz B.M.* Foreign Intelligence: Research and Analysis in the Office of Strategic Services, 1942–1945. Cambridge (Mass.), 1989. P. 99–103.

¹⁹ *Ibid.* P. 191.

²⁰ *Wallace H.* Pledge of Our Friendship to Russia In and After the War // The New York Times. 1942. November 9. P. 19.

²¹ *Whitney T.P.* Op. cit. P. 28–31.

номический потенциал²². Информации все равно было недостаточно, и в конце 1942 г. Робинсон вместе со специалистом по статистике И. Раддом, возглавлявшим отдел промышленных и военных поставок УСС, направился в Великобританию, чтобы сравнить полученные Управлением сведения с данными британской разведки²³. Для организации этой поездки Робинсон воспользовался связями Донована, имевшего близкие контакты в Министерстве экономической войны (MEW).

Оказалось, что MEW обладает куда более полной информацией о состоянии советской экономики, в том числе о военном производстве СССР, чем УСС. Два отчета MEW «Экономические последствия немецкого наступления на военный потенциал России» и «Советское военно-промышленное производство» на тот период стали основными источниками информации для американской разведки²⁴.

Робинсон и Радд провели в Лондоне всю зиму 1943 г.: для обеспечения передачи информации УСС MEW даже разрешило им создать «миссию по России»²⁵. Под пристальным наблюдением Радда и Робинсона в конце 1942 г. Управление подготовило несколько отчетов под общим названием «Военный потенциал Советского Союза», которые мы упоминали выше. И хотя в них по-прежнему присутствовали обычные для того периода неточности, их качество существенно отличалось от предыдущих в лучшую сторону.

Кроме этого были подготовлены отчеты о промышленном потенциале СССР. Американцы попытались оценить советские производственные мощности, основываясь на статистических данных по ленд-лизским поставкам (см. табл. 2 и 3). При помощи британских источников были сделаны попытки определить местонахождение основных советских мощностей по производству танков и самолетов, однако недостаток информации все еще оставался весьма значительным²⁶.

²² См.: O.S.S. Research and Analysis # 584. Military Potential of the Soviet Union: Part Ia – Civilian Manpower. November 3, 1942 // O.S.S. / State Department Intelligence and Research Reports, Part VI: The Soviet Union. Frederick (Md.): University Publications of America, 1977. Reel 1. Doc. 13; Military Potential of the Soviet Union: Part IIa – The Food Problem Under Peacetime Conditions. December 12, 1942 // Ibid. Doc. 14; Military Potential of the Soviet Union: Part IIb – The Food Problem Under Wartime Conditions. November 30, 1942 // Ibid. Doc. 15; Military Potential of the Soviet Union: Part III – Basic Industries. November 25, 1942 // Ibid. Doc. 16; Military Potential of the Soviet Union: Part IV – Munitions, Research and Analysis. November 11, 1942 // Ibid. Doc. 17.

²³ Katz B.M. Op. cit. P. 146.

²⁴ The Economic Effects of the German Advance on Russian War Potential: Summary. M.E.W. memorandum compiled September 5–11, 1941. FO 371/29490/N5497; Kestner J. Op. cit. P. 42.

²⁵ Katz B.M. Op. cit. P. 155–156.

²⁶ Military Potential of The Soviet Union. Part IV – Munitions, Research and Analysis... P. 26–29.

Таблица 2

**Промышленный потенциал Советского Союза в годы войны:
советская статистика и оценки Радда, млн т**

	1940	1941	1942	1943	1944	1945	Оценки Радда
Сталь	18,3	17,9	8,1	8,5	10,9	12,3	10
Уголь	165,9	151,4	75,5	93,1	121,5	149,3	80–100
Нефть	31,1	33,0	22,0	18,0	18,3	19,4	29,6

Таблица 3

**Производство танков и боевых самолетов в годы войны:
советская статистика и оценки Радда, тыс. шт**

	1941 (июль-декабрь)	1942	1943	1944	1945 (январь-август)	Оценки Радда
Танки и САУ	4,8	24,4	24,1	29,9	20,5	16,8
Боевые самолеты	8,2	21,7	29,9	33,2	19,1	24

Источник: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: статистический сборник. М., 1990. С. 5; Military Potential of The Soviet Union. Part IV – Munitions, Research and Analysis... P. 1–2, 5, 12.

Как видим, американские эксперты достаточно точно определили объемы производства стали и угля, но сильно завысили свой прогноз по нефти. В случае с производством танков и самолетов их оценки оказались существенно заниженными. То же, по-видимому, относится и к оценкам советского парка станков: Радд говорит о 400 тыс., в то время как имеющиеся статистические данные позволяют говорить о примерно 550 тыс. только металлорежущих станков на начало войны²⁷.

По сравнению с первым отчетом, подготовленным СОІ в сентябре 1941 г., исследование военного потенциала Советского Союза

²⁷ Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1185. Л. 22–30.

было практически прорывным как по степени детализации данных, так и по уровню анализа. Тем не менее, несмотря на существенное улучшение качества производимого продукта, перед экономическим подразделом УСС по-прежнему стояли очень важные проблемы. Так и не был найден постоянный заказчик (и, соответственно, спонсор) производимого им контента. Хотя американские военные приветствовали любые прогнозы и оценки, касавшиеся Советского Союза, дальше формальной заинтересованности дело не пошло, поскольку у них были собственные аналитики и собственные источники информации. Робинсон неоднократно обращался в Госдепартамент США и к чиновникам Администрации ленд-лиза с просьбой направить представителя УСС в Москву для сбора информации на месте, однако все его запросы оставались без внимания все по той же причине — из-за отсутствия заказчика²⁸. Разумеется, такое пренебрежение не могло не вызвать снижения спроса на отчеты УСС и препятствовало улучшению их качества.

Не успев развиться во что-то серьезное и достойное внимания, американская экономическая разведка на советском направлении оказалась в глубоком кризисе. Использование устаревших, неполных и скрывавших реальную картину данных приводило к тому, что содержащиеся в отчетах выводы по большей части представляли собой необоснованные догадки. Соответственно, какими бы интересными они ни казались, при выработке внешнеполитических решений доклады УСС не использовались.

С выходом на первые позиции проблем послевоенного экономического планирования группа Робинсона должна была отвечать на новые вопросы, использовать новые методики и находить новых клиентов, иначе у экономической разведки просто не было шансов выжить.

После перелома в Великой Отечественной войне стало очевидно, что Советский Союз будет играть одну из ключевых ролей в послевоенном мироустройстве. На Московском совещании союзников осенью 1943 г. подчеркивалась важность выработки послевоенного мирового экономического порядка, основанного прежде всего на принципах свободной торговли²⁹. В этой связи необходимо было наиболее достоверно спрогнозировать основные направления советской политики после окончания войны. На этой конференции впервые прозвучу-

²⁸ *Katz B.M.* Op. cit. P. 145.

²⁹ См.: Основа нашей программы по вопросам международного экономического сотрудничества // Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI: в 2 кн. Майкоп, 2016. Кн. 2. Сентябрь—Декабрь. С. 248—251; Меморандум относительно Вашингтонского соглашения британских и американских экспертов-экономистов по вопросам, содержащимся в статье VII Соглашения о взаимной помощи // Там же. С. 251—253.

чал весьма условный и очень расплывчатый термин «реконструкция» СССР, который в умах американских лидеров подразумевал не только восстановление советской экономики, но и изменение политического курса СССР, а значит и всего мирового порядка³⁰.

Соответственно, задача экономической разведки США радикально поменялась. Теперь ей предстояло ответить на следующие вопросы:

Если главной целью американской дипломатии было создание новой, открытой и взаимозависимой мировой экономики, то как Советский Союз впишется в это картину?

Будет ли он, по выражению Моргентау, «играть в одни ворота» с американцами?

Если да, то каким образом в эту систему встроится государственная монополия на внешнюю торговлю и исключительная непрозрачность любых данных, характеризующих экономическое развитие страны?

Смогут ли Соединенные Штаты при помощи экономических рычагов давления повлиять на политику Кремля?

И наконец, готова ли Москва к мирному сосуществованию с капиталистическим миром или намерена вернуться к довоенным конфликтам и конкуренции?

Поиск ответов на эти вопросы привел Ч. Болен, занимавшего на тот момент пост главы Восточноевропейского отдела Госдепартамента США и выполнявшего роль связного между Госдепартаментом и Белым домом, в УСС. Он обратился к Робинсону с просьбой провести специальное исследование потенциальных репарационных претензий Советского Союза к Германии. Кроме того, вместе с помощником государственного секретаря США Д. Ачесоном Болен заказал Управлению всеобъемлющий отчет об экономическом развитии СССР и перспективах торговли с ним в послевоенном мире³¹.

Это новое исследование, как и все предыдущие, потребовало не только статистической информации для расчетов, но и методологии их истолкования. Чтобы определить возможную сумму репараций, необходимо было знать размер ущерба, нанесенного Советской стране войной, причем в сопоставимой валюте. Потенциал будущего экономического роста СССР невозможно было рас-

³⁰ См.: *Paterson T.G. Soviet-American Confrontation: Postwar Reconstruction and the Origins of the Cold War.* Baltimore (Md.), 1973.

³¹ Geroid Robinson to Charles Bohlen. November 15, 1944; William Langer to Dean Acheson. October 14, 1944. Цит. по: *Smith B.F. The Shadow Warriors: O.S.S. and the Origins of the C.I.A.* New York, 1983. P. 381. Note 37.

считать, не зная его способности к восстановлению. Кроме того, именно в этот период – в конце 1943 – начале 1944 г. – в окружении Ф.Д. Рузвельта впервые поднимается вопрос о возможности предоставления Советскому Союзу крупного правительственного кредита. Соответственно, необходимо было понимать, будет ли СССР способен выплачивать основную сумму долга и проценты, и если да, то с какого момента и в каких объемах. Получение ответов на эти вопросы было возможно только при создании реально работающей макроэкономической модели советской экономики. Ее требовалось создать заново, поскольку модель рыночной экономики в этом случае решительно не подходила.

Вызов принял еще один гарвардский ученый – В.В. Леонтьев, которого увлекла идея получения данных о совокупной экономической производительности с помощью точных математических уравнений. Пятнадцатью годами ранее Леонтьев исследовал различные измерения баланса в советской экономике³². Требуемую модель советской экономики он надеялся построить, дополнив модель общего равновесия Л. Вальруса серией математических уравнений, основанных на реальных экономических данных³³.

Чрезвычайно востребованный другими правительственными организациями, Леонтьев пробыл в УСС около года – с лета 1943 до середины 1944 г., не достигнув за это время существенных результатов. Дело в том, что в процессе работы над моделью Леонтьев столкнулся со сложностями в разработке формулы учета национального дохода для коммунистического государства. Задача была очень непростой, так как понятие национального дохода в плановой экономике совершенно отличалось от того, которое применялось в капиталистическом мире.

Уход В.В. Леонтьева не привел к остановкам в работе экономического подотдела УСС, поскольку на его место пришел еще один молодой специалист – один из учеников Леонтьева А. Бергсон, который к тому времени уже являлся известным экономистом и признанным специалистом-советологом³⁴.

Весной 1944 г. Бергсон получил одно из самых важных заданий в истории УСС – составить прогноз послевоенного экономического развития СССР. Девятого сентября обширный документ под заголовком «Восстановление СССР и развитие его внешней торговли после

³² *Silk L.* The Economists. New York, 1974. P. 153.

³³ *Ibid.* P. 155–163.

³⁴ *Bergson A.* Recollections of a Comparativist // The American Economist. 1987. Vol. 31. No. 1. P. 4.

войны», более известный под названием R&A #2060, был передан в Госдепартамент³⁵.

Лангер назвал его «первым прогнозом государственной разведки»³⁶. Действительно, именно этот документ стал образцом будущих отчетов ЦРУ о советской экономике. R&A #2060 также положил начало длительному процессу создания методики подсчета национального дохода Советского Союза. От предыдущих отчетов его отличала существенно более высокая точность прогнозов, основывавшаяся на экстраполяции текущих экономических показателей Советского Союза на его дальнейшее развитие.

Одной из важнейших задач экономического подотдела УСС в 1944 г. была разработка применимой в практической работе модели расчета совокупного спроса для советской экономики, на основе которой можно было бы впоследствии оценить потребление, инвестиции, чистый экспорт, государственное управление (т.е. фактически оборонные расходы)³⁷. Решение этой задачи сильно усложняли особенности экономики СССР: советские методики исчисления национального дохода учитывали только произведенные товары, исключая ряд личных и государственных услуг, обычно охватываемых при определении национального дохода в капиталистических странах. Как следствие, опубликованная советская статистика национального производства охватывала более узкий спектр видов деятельности, чем в Соединенных Штатах.

Это несоответствие можно было преодолеть, либо добавив стоимость исключенных услуг в советских цифрах, либо вычтя их из объемов национального производства США.

Составители R&A #2060, однако, уделили большее внимание установлению объемов промышленного производства в Советском Союзе на основе советской модели исчисления доходов и не предпринимали попыток установить соответствие между советской и американской моделями исчисления³⁸.

Все расчеты Бергсона основывались на публиковавшейся в советских газетах и журналах статистике, которой он не вполне доверял, но считал достаточной базой для дальнейшего анализа. Здесь коренилась вторая серьезная и практически неразрешимая проблема.

³⁵ O.S.S. Research and Analysis # 2060 (далее: R&A #2060). Russian Reconstruction and Postwar Foreign Trade Developments. September 9, 1944 // O.S.S. / State Department Intelligence and Research Reports, Part VI: The Soviet Union. Frederick (Md.), University Publications of America, 1977. Reel 3. Doc. 11.

³⁶ *Langer W.L.* In and Out of the Ivory Tower: the Autobiography of William L. Langer. New York, 1977. P. 190–191.

³⁷ R&A #2060. P. 1–3.

³⁸ *Ibid.* P. 4.

С момента принятия Первого пятилетнего плана в 1928 г. плановые органы советского правительства публиковали экономическую статистику на основе цен и стоимости рубля 1926/27 гг. и индексы роста цен. В 1930-е гг., по мере продолжения индустриализации СССР, публикация индексов цен прекратилась, а экономические данные стали засекречиваться. Показатели совокупного промышленного дохода измерялись в «фиксированных» рублях 1926/27 гг.³⁹

Для получения более актуальных данных команда УСС придумала интересное решение, применив принципы недавно разработанной производственной функции Кобба—Дугласа к советской экономике. Эта функция предполагала, что распределение национального дохода между капиталом и трудом в долгосрочной перспективе остается неизменным.

Вооружившись доступными советскими данными об основном капитале и численности рабочей силы, экономисты УСС сравнили показатели валового продукта, представленные в советской статистике, и свои расчетные цифры, основанные на функции Кобба—Дугласа⁴⁰. Этот статистический маневр послужил средством уменьшения «значительного инфляционного смещения, присущего официальной советской статистике, выраженной в постоянных рублях»⁴¹. Затем рассчитанный промышленный доход был добавлен к чистому доходу, полученному от других секторов, прежде всего сельского хозяйства.

В отличие от статистических данных о промышленных доходах данные по другим секторам экономики СССР перестали публиковаться после 1935 г. Особенно сложно было получить реальные данные по сельскохозяйственной отрасли, поскольку здесь сокрытие реальных показателей было особенно масштабным. Однако экономисты УСС вышли из положения, проследив рост доходов от урожая зерновых для получения общей оценки сельскохозяйственного дохода⁴². Следует отметить, что общая эффективность этой методики была сомнительной, и в реальности доклад R&A #2060 получился скорее отчетом о промышленных доходах СССР, чем о его совокупном национальном доходе.

В конце концов американским исследователям нужно было перевести скорректированные рублевые цифры в доллары. Согласно официальному обменному курсу 1 долл. равнялся 5 руб., однако все экономисты США сходились на том, что этот курс был значительно

³⁹ Ibid. P. 1–3.

⁴⁰ *Cobb C.W., Douglas P.H. A Theory of Production // American Economic Review. 1928. Vol. 18. No. 1. P. 139–165.*

⁴¹ R&A #2060. P. 6.

⁴² Ibidem.

завышен. Более точное соотношение было найдено экспертами УСС на страницах издания «Народный доход СССР», где советский экономист М.Б. Колганов сравнивал национальный доход США в 1929 г. и СССР в 1937 г. в постоянных рублях⁴³. Благодаря полученному коэффициенту экономисты УСС оценили советский национальный доход за 1937 г. в 23,9 млрд долл.⁴⁴ Однако с учетом того, что по расчетам Колганова в рублях он составил 96,3 млрд руб., реальный курс рубля к доллару при таком коэффициенте получался 4:1, что абсолютно не соответствовало действительности. С 1937 по 1950 г. по официальному обменному курсу 1 долл. стоил 5,3 руб., а по льготному – 12 руб.⁴⁵ Таким образом, нельзя сказать, что в выполнении этой задачи эксперты УСС преуспели.

Другие ключевые показатели советской экономики в годы войны – например, человеческие потери и разрушения – нельзя было рассчитать на основе математических моделей. Нужны были реальные цифры, однако ни журналисты, ни дипломаты, ни ленд-лизовские сотрудники, находившиеся в Москве, не имели доступа к такой информации.

Вопрос об оценке масштаба разрушений впервые возник в связи с подготовкой отчета о возможных советских запросах по репарациям. Этот отчет, озаглавленный «Военный ущерб и возможные репарационные претензии СССР» (R&A #1899), был разделен на две отдельные части: первая, от 8 марта 1944 г., содержала общий обзор проблемы; вторая, от 26 мая 1944 г., представляла собой техническое приложение, в котором были собраны выдержки из различных заявлений советских лидеров о репарациях и изложены статистические методики, использованные для исчисления военного ущерба⁴⁶.

В этом отчете Бергсон разработал еще одну формулу перевода рублей в доллары, основанную на сравнении оптовых цен. Пересмотренный обменный курс оказался равен 8 руб. за 1 долл. Исходя из различных советских заявлений о размерах нанесенного нацистами военного ущерба и основываясь на новой методике вычисления реального обменного курса, Бергсон оценил имущественные потери

⁴³ Колганов М.Б. Народный доход СССР. М., 1940. С. 53.

⁴⁴ R&A #2060. P. 10.

⁴⁵ Подробнее см.: Чуднов И.А. Валютный курс советского рубля: опыт «научного» обоснования. Методология расчета курса рубля к доллару США в послевоенные годы // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2003. № 3 (34). С. 118–130.

⁴⁶ Research and Analysis #1899 (далее: R&A #1899). Russian War Damage And Possible Reparation Claims: Part I – General Statements. March 8, 1944. O.S.S. / State Department Intelligence and Research Reports, Part VI: The Soviet Union. Frederick (Md.): University Publications of America, 1977. Reel 2. Doc. 24; Part II – Supplement. May 26, 1944 // Ibid. Reel 2. Doc. 31.

СССР в 18 млрд долл.⁴⁷ Эта оценка впоследствии широко тиражировалась в различных работах американских авторов, посвященных экономическим проблемам СССР середины 1940-х гг.⁴⁸

Еще одним важнейшим фактором для прогнозирования экономического курса Советского Союза была оценка человеческих потерь в военное время. Не имея достоверных данных о потерях Красной Армии и среди гражданского населения, авторы доклада фактически наугад утверждали, что в результате войны советская рабочая сила сократилась с предвоенных 65,9 до 64,2 млн человек после демобилизации, т.е. всего на 1,7 млн человек⁴⁹. По оценкам УСС к 1970 г. население Советского Союза должно было составить не менее 250 млн человек, причем при минимальном темпе его роста⁵⁰. В этом случае численность вооруженных сил СССР в 1970 г. могла вдвое превысить численность армии США⁵¹.

Главная идея отчета УСС, по сути, заключалась в том, что у СССР есть гигантский потенциал для быстрого восстановления экономики и отличные перспективы промышленного роста⁵². Эти оптимистичные оценки прослеживались во всех прогнозных сценариях, которыми заканчивался R&A #2060. Ключевыми переменными были уровень расходов на оборону, объемы экспорта советского золота и доступность иностранных кредитов, постоянной — окончание войны в начале 1945 г.⁵³

Первый вариант предполагал снижение уровня оборонных расходов СССР, отсутствие иностранных кредитов и экспорт золота в размере 500 млн долл. в год в течение трех лет. В этих условиях, по оценкам американцев, промышленное производство вернулось бы к довоенному уровню к 1948 г., транспортная инфраструктура и жилой фонд — также к 1948 г., сельскохозяйственное производство — к 1949 г.⁵⁴ Пиковый уровень потребления 1937–1938 гг. должен был быть достигнут к началу 1947 г.⁵⁵ При этом предполагалось, что обо-

⁴⁷ R&A #1899. Part 1. P. 2.

⁴⁸ См., напр.: *Martel L.* Lend-Lease, Loans and the Coming of the Cold War: A Study of the Implementation of Foreign Policy. Boulder (Colo.), 1979. P. 43.

⁴⁹ R&A #2060. P. 13, 15.

⁵⁰ Research and Analysis #2524.2. (далее: R&A #2524.2.) Current Notes on Soviet Manpower. November 7, 1944 // O.S.S / State Department Intelligence and Research Reports, Part VI: The Soviet Union. Frederick (Md.): University Publications of America, 1977. Reel 3. Doc. 11. P. 1.

⁵¹ World Population: Statesman Read The Future in Birth and Death Rates as Western Nations Stop Growing // *Life*. 1945. September 3. P. 45–51.

⁵² R&A #2060. P. 16–23.

⁵³ *Ibid.* P. iv–v.

⁵⁴ *Ibid.* P. 16.

⁵⁵ *Ibid.* P. 20.

ронные расходы существенно снизятся, а высвободившиеся ассигнования будут инвестированы в промышленность и общее повышение уровня жизни населения.

Второй сценарий также предполагал снижение оборонных расходов, однако вместо экспорта золота из накопленных резервов предусматривалось получение иностранных кредитов на сумму 1,5 млрд долл. в год в течение трех лет и экспорт лишь добываемого золота⁵⁶.

Прогнозируемая разница в оценках национального дохода СССР к 1952 г. между двумя сценариями была относительно скромной: 37,9 млрд долл. против 39,8 млрд долл.⁵⁷ Что касается общего влияния кредита на советскую экономику, то в докладе делался вывод о том, что «инвестиционные возможности СССР настолько велики, что погашение займов не создаст дополнительного бремени для экономики». Чистая выгода от получения кредитов должна была зависеть от того, удастся ли СССР увеличить свой экспорт на сумму, необходимую для выплаты процентов и погашения кредита⁵⁸.

Во втором сценарии была предпринята попытка обрисовать такое развитие советской экономики, в котором не было бы ни иностранных кредитов, ни значительного сокращения расходов на оборону. Хотя открыто в докладе это не звучало, предполагалось, что такое развитие событий может быть вызвано ухудшением советско-американских отношений⁵⁹. Отметим, что этому сценарию эксперты УСС уделили наименьшее внимание — один абзац против четырех страниц по двум первым вариантам.

Во введении к отчету, в частности, говорилось, что в силу значительной способности советской экономики к восстановлению «вопрос о кредитах представляет собой предмет торга, имеющий лишь ограниченную ценность в решении жизненно важных политических вопросов; однако он может иметь вес на переговорах по чисто экономическим проблемам»⁶⁰. Кроме того, в докладе отмечалось, что Советский Союз будет нуждаться в небольшом, но важном для него объеме импорта промышленных товаров, отсутствие которого может «серьезно повлиять на ход восстановления его экономики»⁶¹. Однако с учетом наличия значительного золотого запаса сдерживать Советский Союз в этой области можно было бы только при осуществлении прямого контроля над поставками критически важных товаров, что

⁵⁶ R&A #2060. P. 22.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ibid. P. 25.

⁵⁹ Ibid. P. 26.

⁶⁰ Ibid. P. vii.

⁶¹ Ibidem.

могло бы быть эффективным инструментом на переговорах⁶². Наконец, темпы восстановления СССР напрямую зависели от военных расходов, которые стали бы для советской экономики куда более тяжелым бременем, чем для американской⁶³. Все эти соображения привели составителей отчета к выводу о том, что СССР будет «особенно чувствителен» к тем международным политическим вопросам, которые смогут повлиять на обеспечение его безопасности после войны⁶⁴.

Важно отметить, что с идеологической точки зрения отчет R&A #2060 был абсолютно нейтральным. Советская экономика не рассматривалась в нем ни как двигатель идеологической экспансии, ни как средство обеспечения исторических геополитических претензий России. В целом она изображалась «нормальной» — нацеленной на рост национального дохода и потребления.

Несмотря на то что высокая оценка внутреннего потенциала восстановления советской экономики была весьма спорной, отчет R&A #2060 быстро распространился по американской столице и вызвал большой резонанс. Болен в письме Ачесону заявил, что в документе было скорректировано несколько преувеличенное мнение относительно важности экономической помощи из-за рубежа как возможного средства политического давления на СССР⁶⁵. Впрочем, на тот момент и Болен, и Ачесон все еще оптимистично смотрели на будущее советско-американских отношений, поэтому оба были в целом согласны с тоном доклада, если и не со всеми его выводами.

В американском посольстве в Москве R&A #2060 также произвел большое впечатление. К моменту его появления там посол США в СССР А. Гарриман и его заместитель Дж. Кеннан уже начали сомневаться в возможности будущего сотрудничества с Советским Союзом. В конце сентября 1944 г. Кеннан направил в Госдепартамент США объемный меморандум под названием «Россия 7 лет спустя», в котором, в частности, заявлял: «Весьма сомнительно, что даже самые дружеские отношения (с Советами. — *К.М.*) можно считать прочными и надежными»⁶⁶. Экономической базой для выводов дипломата стал доклад R&A #2060. Кеннан предупреждал своих адресатов о том, что «Россия не будет зависеть от внешней торговли», но «с радостью примет любые кредиты, которые позволят ей получить необходимый импорт без осуществления немедленных затрат». Восстановление

⁶² Ibidem.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ William Langer to Dean Acheson. October 14, 1944. Цит. по: *Smith B.F.* Op. cit. P. 381.

⁶⁶ *Мункова К.В.* Экономические истоки холодной войны: советско-американские экономические отношения в 1943–1947 гг. СПб., 2021. С. 83.

Советского Союза, по мнению Кеннана, должно было занять максимум четыре года⁶⁷.

Гарриман, напротив, совершенно игнорировал доклады УСС. События в Польше, затронувшие личные экономические интересы посла, заставили его радикально изменить взгляды на перспективы развития советско-американских отношений. Убежденный в том, что лучший принцип взаимодействия с Кремлем – это принцип «ты – мне, я – тебе», Гарриман выступал за оказание экономического давления на Советский Союз для более эффективного достижения политических результатов, хотя это противоречило рекомендациям УСС, стоявшего на более оптимистичных позициях⁶⁸. Поскольку именно Гарриман во второй половине 1944 – начале 1945 гг. вел переговоры об американском кредите для СССР, такая позиция не могла привести к конструктивным результатам. На первой встрече с Г. Трумэнном 20 апреля 1945 г. А. Гарриман, являвшийся тогда едва ли не самым крупным авторитетом-советологом, заявил, что необходимость восстановления Советского Союза дает Соединенным Штатам возможность серьезно влиять на формирование его внешнеполитического курса и что советское правительство не будет порывать с Соединенными Штатами, так как нуждается в их помощи, чтобы уменьшить бремя реконструкции⁶⁹.

При этом именно Гарриман зимой 1944–1945 гг. решил укрепить разведывательный потенциал посольства Соединенных Штатов в Москве и принять в штат сотрудников УСС⁷⁰. Как уже было упомянуто, руководство Управления давно к этому стремилось, но Госдепартамент США старался избегать любых обвинений в шпионаже со стороны СССР. После длительных обсуждений был достигнут нехитрый компромисс, согласно которому два сотрудника УСС должны были сначала получить должности в Госдепартаменте, а потом уже прибыть в советскую столицу. Для работы в Москве были выбраны самые способные молодые эксперты Восточноевропейского сектора – Р. Такер и Т. Уитни⁷¹.

По всей видимости, это назначение сильно запоздало. Во второй половине 1945 г. отношения между Москвой и Вашингтоном стремительно ухудшались на фоне неспособности экономической разведки заставить центры принятия решений обратить внимание на ее

⁶⁷ *Kestner J.* Op. cit. P. 81.

⁶⁸ *Paterson T.G.* Op. cit. P. 33–43.

⁶⁹ Memorandum of Conversation, by Mr. Charles EF. Bohlen, Assistant to the Secretary of State. Washington. April 2, 1945 // Foreign Relations of the United States (далее: FRUS). 1945. Vol. V. United States Department of State. Washington (D.C.), 1967. P. 231–234.

⁷⁰ *Whitney T.* Op. cit. P. 32.

⁷¹ *Ibid.* P. 34.

выводы: в Белом доме полагали, что Советский Союз настолько нуждался в экономической помощи, что рано или поздно ему пришлось бы пойти на политические уступки для ее получения, а Кремль ждал, что подступающий кризис капиталистического перепроизводства приведет к тому, что американцы будут отдавать свои промышленные товары на выгодных для покупателей условиях⁷².

Может показаться, что в какой-то момент американцы были больше заинтересованы в советском рынке, чем русские – в американских деньгах. На протяжении 1944 г. и в начале 1945 г. крупные фирмы и мелкие частные предприниматели буквально заваливали Амторг предложениями о сотрудничестве⁷³. В июне 1944 г. президент Американской торговой палаты Э. Джонстон посетил Советский Союз, чтобы лично оценить перспективы расширения сотрудничества. По итогам визита он опубликовал несколько статей в самых популярных журналах – «Лайф», «Форчун», «Ридерз дайджест», «Нейшнз бизнес», в которых утверждал, что после войны Россия будет если не крупнейшим, то самым активным торговым партнером США⁷⁴.

Советский отдел Бюро внешней и внутренней торговли США подготовил несколько весьма оптимистических прогнозов о потенциале советского рынка. В одном из них говорилось, что СССР сможет покупать едва ли не треть всего американского экспорта⁷⁵, хотя до войны этот показатель редко превышал 1%. Энтузиазм был поистине поразительным: чтобы получить доступ на бездонный рынок Советского Союза, бизнес готов был пренебречь соображениями морального толка.

Следует признать, что основания для оптимизма были весомыми: на Бреттон-Вудской валютно-финансовой конференции 1944 г. советская делегация во главе с заместителем наркома внешней торговли М.С. Степановым играла одну из ведущих ролей. Экономический подотдел Восточноевропейского сектора УСС ощутил, что настал его звездный час: казалось, теперь он мог бы влиять на развитие послевоенных американо-советских экономических отношений наряду с такими признанными игроками, как Госдепартамент, Министерство финансов и Министерство торговли⁷⁶.

⁷² *Paterson T.G.* Op. cit. P. 51–56.

⁷³ *Doing Business With Russia.* Washington (D.C.), 1945; *Ropes E.L.* The Shape of United States-Soviet Trade, Past and Present // *Slavonic and East European Review.* 1944. Vol. 3. No. 2. P. 1–15.

⁷⁴ *Минкова К.В.* «Экономические и торговые взаимоотношения Советского Союза и Америки будут расти и крепнуть»: визит в СССР Эрика Джонстона в 1944 г. // *Вестник Московского университета. Серия 8: История.* 2022. № 1. С. 88–107.

⁷⁵ См., напр.: *Maffry A., Lary H.B.* Foreign Trade After The War. Washington (D.C.), 1943.

⁷⁶ *Langer W.L.* Op. cit. P. 189.

Весной 1945 г., когда война близилась к окончанию, Робинсон обратился к еще одному известному американскому экономисту и историку А. Гершенкрону с просьбой завершить исследование послевоенной экономической политики Советского Союза. Запрос на такой доклад поступил от Консультативного исполнительного комитета по международной экономической политике (Advisory Committee on International Economic Policy)⁷⁷.

Гершенкрон подготовил всесторонний обзор отношений Советского Союза с частными картелями под заголовком «Государственная торговая монополия СССР и предлагаемое картельное соглашение» (R&A #2305)⁷⁸. Несмотря на то, что выводы автора в целом были более осторожными, чем предыдущие доклады экономического подотдела, оптимистические предположения относительно будущего американо-советского экономического сотрудничества сохранялись. Поскольку предложенная Соединенными Штатами программа борьбы с картелями не имела прямого значения для государства с плановой экономикой, ценность участия в ней Советского Союза была скорее моральной. Ожидалось также, что страны, находящиеся в сфере влияния СССР, определят свое отношение к предлагаемому антикартельному соглашению путем консультаций с ним⁷⁹.

Впрочем, проблема картелей имела второстепенное значение. Куда важнее был вопрос об участии СССР в создававшейся системе мировой торговли. Следовало понять, будет ли коммунистическое государство продолжать изоляционистскую политику конца 1930-х гг. или перейдет к более либеральному торговому режиму? В докладе Гершенкрона предполагалось, что в первые послевоенные годы Советский Союз будет «крупным импортером с целью ускорения своего восстановления. Для оплаты этих товаров СССР будет полагаться на репарации, экспорт золота и американские кредиты». Тем не менее вероятность возвращения к автаркии, по мнению Гершенкрона, оставалась высокой: «В результате, исходя из чисто экономических соображений, Россия может не быть заинтересованной в том, чтобы активно участвовать в дискуссиях об устранении торговых барьеров и международных картелей. Ее отношение к международным картелям будет определяться в первую очередь политическими, а не экономическими факторами»⁸⁰. В этом он был, безусловно, прав.

⁷⁷ *Kestner J.* Op. cit. P. 103.

⁷⁸ Research and Analysis #2305 (далее: R&A #2305). The Russian State Trading Monopoly And The Proposed Cartel Program. May 22, 1945 // O.S.S. / State Department Intelligence Reports, Part VI: The Soviet Union, 1941–1949. Frederick (Md.): University Publications of America, 1977.

⁷⁹ *Ibid.* P. 3–4.

⁸⁰ *Ibid.* P. 30.

Далее Гершенкрон затронул еще более проблемный вопрос — отношения между Советским Союзом и странами Восточной Европы. В докладе R&A #2305 признавалась возможность того, что СССР ограничит торговлю с внешним миром и замкнется на обмене товарами со странами, входящими в ее сферу влияния. Это неизбежно должно было привести к утрате определенной части политического, экономического и культурного суверенитета этих стран⁸¹. Впрочем, Гершенкрон рассматривал и более оптимистичный сценарий, при котором в отсутствие серьезной политической напряженности Советский Союз мог стать участником системы международного разделения труда⁸².

За несколько недель до того, как Гершенкрон написал секретный доклад для УСС, в сотрудничестве с Фондом Карнеги для Комитета по международной экономической политике он подготовил еще одно исследование о советской экономике под названием «Экономические отношения с СССР»⁸³. Эта работа побудила экономиста заняться еще одним интересным вопросом, волновавшим политические элиты США, а именно: как найти такие международные рамки, которые позволили бы советской торговле развиваться в русле многосторонних соглашений, основанных на американских правилах игры, с минимальными потерями⁸⁴.

Предложенное им решение предусматривало быстрое увеличение советского присутствия в многосторонних экономических соглашениях⁸⁵. Гершенкрон предполагал, что участие СССР в многосторонних договорах неизбежно должно было привести к диверсификации его торговых (капиталистических) партнеров и, соответственно, заложить прочную основу для политического сотрудничества⁸⁶. В конечном итоге, полагал Гершенкрон, принципы советской торговли поменялись бы с политических на чисто коммерческие⁸⁷.

Несмотря на то, что к середине 1945 г. качество производимых экономической разведкой США отчетов существенно возросло, они все равно оставались весьма далекими от реальности, поскольку при составлении прогнозов вместе с экономическими факторами не учитывались другие, не менее важные, — прежде всего, политические и идеологические. Например, не был серьезно изучен такой вопрос, как возможность сохранения Советским Союзом закрытой экономики по идеологическим причинам.

⁸¹ R&A #2305. P. 13.

⁸² Ibid. P. 12–13.

⁸³ *Gershenkron A. Economic Relations with the U.S.S.R.* New York, 1945.

⁸⁴ Ibid. P. 3.

⁸⁵ Ibid. P. 1–3.

⁸⁶ Ibid. P. 3.

⁸⁷ Ibidem.

УСС в очередной раз оказалось в тупике, поскольку не смогло предложить никакой новой интерпретации послевоенной экономической политики СССР. Попытки Донована продлить мандат УСС натолкнулись на ожесточенное сопротивление ФБР⁸⁸, и в сентябре 1945 г. Управление было ликвидировано⁸⁹. Отделению исследований и анализа Лангера повезло больше благодаря его тесным рабочим отношениям с Госдепартаментом США. Самые ценные сотрудники были переведены туда⁹⁰.

Поначалу не остался без работы и Робинсон. В декабре 1945 г. при поддержке Ачесона и активном содействии Болена он закончил работу над докладом «Возможности и намерения Советского Союза под влиянием американской политики», сыгравшим роковую роль в дальнейшем развитии американско-советских отношений⁹¹. С точки зрения заказчиков, доклад оказался неудачным. Во-первых, выводы Робинсона были сформулированы туманно и весьма неоднозначно. Так, повторяя более ранние заключения о динамичности и большом потенциале развития советской экономики, он отмечал существенное отставание СССР от Соединенных Штатов по уровню национального богатства. По его мнению, эта реальность вкупе с атомной монополией США давали последним «значительную свободу в выборе своей политики по отношению к России»⁹². Во-вторых, к моменту завершения доклада взгляды американского истеблишмента и американского бизнеса на перспективы сотрудничества с СССР начали радикально меняться. Былая уверенность в возможности тесного экономического сотрудничества в считанные месяцы сменилась восприятием советской экономики как закрытой системы, приверженной тотальному контролю.

Как же произошел этот сдвиг? Как и почему это новое восприятие СССР в качестве противника в холодной войне столь быстро завладело воображением самого президента США Г. Трумэна и его администрации? И наконец, почему именно эта точка зрения оказалась столь устойчивой?

Помимо роста политической напряженности, связанного с рядом непопулярных на Западе шагов советского руководства (нарушение

⁸⁸ *Troy T.J.* Op. cit. P. 257–260.

⁸⁹ Executive Order #9621. Termination of The Office of Strategic Services and Disposition of Its Functions. September 20, 1945 (<https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-9621-termination-the-office-strategic-services-and-disposition-its>).

⁹⁰ *Smith B.F.* Op. cit. P. 408.

⁹¹ The Bolen – Robinsom Report [*Robinson G.T.* The Capabilities and Intentions of the Soviet Union As Affected By American Policy] // *Diplomatic History*. 1977. Vol. 1. P. 389–399 (<https://academic.oup.com/dh/article-abstract/1/4/389/449989?redirectedFrom=fulltext&login=false>; <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.1977.tb00249.x>).

⁹² *Ibid.* P. 391–393.

договоренностей по Ирану, агрессивная политика в странах Центральной и Восточной Европы и т.п.), свою роль здесь сыграли и некоторые экономические факторы.

Шестого ноября 1945 г. свои соображения относительно перспектив американско-советского сотрудничества представила группа Колмера — членов специального Комитета по экономической политике и планированию в послевоенный период палаты представителей Конгресса США, посетивших СССР в сентябре⁹³. Признавая, что «для масштабной торговли между Соединенными Штатами и Россией существует взаимовыгодная основа» и что быстрое восстановление советской промышленности потребует существенного импорта, авторы отчета ставили будущее экономическое сотрудничество между двумя странами в прямую зависимость от ряда конкретных действий Советского Союза. По словам М. Фолсома, ведущего экономического эксперта Комитета Колмера, для обеспечения доступности американских товаров и кредитов Советский Союз должен был полностью раскрыть статистику производства, военные расходы, обнародовать тексты своих торговых соглашений с восточными странами (Eastern countries), открыть свою территорию для западных бизнесменов и журналистов и уважать права американской собственности⁹⁴.

Через несколько недель после отчета Колмера Вашингтон получил еще один документ, в котором говорилось о том, что американско-советское экономическое сотрудничество невозможно. Его автором был упоминавшийся выше Т. Уитни — молодой и очень перспективный эксперт УСС и сотрудник посольства США в СССР. Зимой 1945/1946 г. идеи Уитни при значительной поддержке Гарримана и Кеннана приобрели большое влияние в Госдепартаменте США.

По прибытии в Москву Уитни практически сразу же был назначен главой экономического отдела посольства, а его задачи значительно превышали круг обязанностей обычного атташе⁹⁵. Отдел Уитни, состоявший из четырех человек, занимался экономическим прогнозированием, а Кеннан успешно использовал его исследования для запугивания Госдепартамента. Так, например, в сентябре 1945 г., узнав, что министр обороны Г. Стимсон предложил обмениваться с СССР информацией о техническом и научном прогрессе, в том

⁹³ Подробнее см.: *Минкова К.В.* Визиты американских парламентских делегаций в СССР летом—осенью 1945 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 1. С. 113–123.

⁹⁴ United States Congress. House of Representatives. Eighth Report of the House Special Committee on Postwar Economic Policy and Planning. Washington (D.C.), 1945 (<https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.32044066086869&seq=3>).

⁹⁵ *Whitney T.* Op. cit. P. 91.

числе по ядерному проекту, Кеннан отправил в Вашингтон меморандум Уитни, в котором утверждалось, что советское правительство будет стремиться любыми средствами вынудить атомные секреты США и может быть в состоянии достичь этой цели, при этом само не предоставит никакой важной информации о своих разработках⁹⁶.

В преддверии Московской конференции Совета министров иностранных дел (СМИД) Кеннан подтолкнул Уитни к написанию общего обзора экономических возможностей и намерений СССР. Хотя в повестке дня вопроса о послевоенном кредите не было, предполагалось, что в какой-то момент он будет обсуждаться. К началу конференции Уитни закончил работу над документом «Советский Союз 1945 – экономический обзор», а Гарриман передал его госсекретарю Бирнсу⁹⁷. Доклад Уитни был посвящен главным вопросам, стоявшим перед американской делегацией в Москве, – судьбе Восточной Европы, атомной бомбе и американскому кредиту для СССР. Рассмотрев эти темы с экономической точки зрения, Уитни пришел к выводу о том, что главная цель экономической политики СССР – наращивание военной мощи, и хотя советское руководство в принципе не возражает против повышения уровня жизни, это стоит далеко не на первом месте⁹⁸. Уитни полагал, что Советский Союз вовлечен в дорогостоящую погоню за атомной бомбой, которая «напряжет советскую экономику до предела»⁹⁹.

Новое измерение обрел в обзоре Уитни и контроль СССР над Восточной Европой: чтобы ослабить то давление, которое активное наращивание военной мощи и атомный проект оказывали на скудные послевоенные ресурсы, «СССР всеми доступными ему средствами стремился привязать экономику стран советского блока в Восточной Европы и Азии к экономике Советского Союза». По мнению Уитни, это предвещало тревожное будущее: «Если русские преуспеют в программе экономической интеграции этих контролируемых территорий в советскую экономику, то перспективы развития советского военно-экономического потенциала в долгосрочной перспективе значительно возрастут». Под угрозой оказывался не только бизнес США, имевший там значительные интересы, но и весь капиталистический мир в целом, поскольку половина ресурсов Европейского континента теперь могла быть использована для наращивания военно-экономического потенциала Советского Союза¹⁰⁰.

⁹⁶ The Chargé in the Soviet Union (Kennan) to the Secretary of State. Moscow. September 30, 1945 // FRUS. 1945. Vol. V. P. 884–886.

⁹⁷ Ibid. P. 933–936.

⁹⁸ Ibid. P. 934.

⁹⁹ Ibidem.

¹⁰⁰ Ibid. P. 935–936.

Вопрос о предоставлении СССР кредита виделся теперь совершенно в ином свете. Уитни считал, что кредит в сумме 6 млрд долл. ускорил бы советское экономическое развитие как минимум на два года. При этом в обзоре выражалось сомнение в том, что Соединенные Штаты смогут использовать этот факт в качестве орудия торга: «Однако не стоит также умахлять конечную способность СССР выполнить поставленные экономические задачи без иностранной помощи». Отсутствие иностранной помощи могло лишь замедлить реализацию советских экономических планов, а «чем дольше она (помощь. — К.М.) будет оказываться, тем больше будут сравнительные экономические успехи других стран и тем больше шансов, что в ее завершение могут вмешаться непредвиденные факторы — политические, экономические или военные»¹⁰¹.

На ход Московской конференции СМИД обзор Уитни большого влияния не оказал, поскольку ни одна из сторон не поднимала вопрос о кредите. Зато в январе 1946 г. вкпе с отказом советского правительства ратифицировать Бреттон-Вудские соглашения и его молчанием в ответ на предложения о выработке принципов послевоенной международной торговли пессимистические взгляды Уитни на экономическую политику СССР начали набирать популярность в Госдепартаменте США и Белом доме.

В Париже 28 января — 2 февраля 1946 г. проходила конференция советников по экономике посольств США в Европе. На ней обсуждались «первостепенные экономические и финансовые проблемы европейского региона». Важное место в повестке дня было отведено обсуждению реконструкции Европы «с особым учетом России»¹⁰². Уитни повторил там прогнозы, изложенные в декабрьском обзоре.

Принятые на конференции рекомендации были весьма жесткими: впредь любое экономическое сотрудничество с Советским Союзом должно было быть ситуативным и зависеть от его готовности встроиться в создаваемую американцами многостороннюю валютно-финансовую и торговую систему. Такие условия все еще сохраняли возможность послевоенного сотрудничества между двумя бывшими союзниками, однако для тех, кто разделял взгляды Уитни, они фактически означали полный разрыв¹⁰³.

В заключение отметим, что дебют экономической разведки США был неудачным. Она оказалась неспособной давать достоверные прогнозы, основанные на объективных данных. Выводы часто были

¹⁰¹ Ibid. P. 936.

¹⁰² Conference of Economic Counselors and Advisers to United States Missions in Europe // Department of State Bulletin. 1946. March 3. P. 327–328.

¹⁰³ Paterson T.G. Op. cit. P. 50. Note 73.

двусмысленными и исходили скорее из иррациональных фобий, чем из реальных фактов.

Самым важным ее провалом стала холодная война, которая во многом началась из-за неспособности УСС верно оценить экономическую политику Советского Союза и разработать для Госдепартамента США такую стратегию поведения, которая позволила бы двум странам сохранить конструктивные отношения после прекращения военного союза. Однако после того как УСС было ликвидировано, его лидеры по-прежнему оставались влиятельными советологами и на протяжении десятилетий оказывали (пусть и опосредованное) влияние на формирование внешнеполитического курса США в отношении СССР.